Отдѣлъ 2
№ 1162
объ улич

ВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

БОРЬБѢ ОБРѢТЕШЬ ТЫ ПРАВО СВОЕ!

Хилков „Пров 49“

...ХЪ БЕЗПОРЯДКАХЪ*)

(МЫСЛИ ВОЕННАГО).

„Пров 38“

I

Въ настоящее время все чаще и чаще происходятъ сто... кновенія между народомъ и войскомъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ столкновенія эти будутъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, учащаться, ибо съ теченіемъ времени народъ или, по крайней мѣрѣ, извѣстная часть его, все менѣе и менѣе терпѣливо станетъ сносить побои полиціи и казаковъ и начальству поэтому придется все чаще и чаще прибѣгать къ услугамъ войска, дабы пулями устрашить тѣхъ, которые перестали бояться полицейскихъ кулаковъ и казачьихъ нагаекъ или научились справляться съ ними. На ...о-

Если наше предположеніе вѣрно и намъ, дѣйствительно въ недалекомъ будущемъ вмѣсто свиста нагаекъ, придется услышать свистъ пуль, то не своевременно ли рѣшить вопросъ о томъ: возможна ли открытая борьба между безоружной толпой и войскомъ?

Рѣшить этотъ вопросъ уже важно потому, что, взявъ тогда ...ьдней

*) Первое изданіе было въ серіи „Народныхъ Листковъ“ ...ращенной партійное изданіе). Настоящее изданіе значительно доп... ъ I

...но же, наконецъ, быть битыми и убиваемыми совершенно напрасно — если окажется, что борьба между народомъ и войсками, дѣйствительно, невозможна.

Очень трогательно, что и говорить, видѣть, какъ молодые люди и молодыя барышни противоставляютъ казачьей атакѣ или полицейскому натиску дождевые зонтики, резиновыя калоши и муфты, но опытъ показываетъ, что ни калоши, ни зонтики, ни муфты не могутъ остановить избіенія публики казаками и полиціей.

Протесты единичные и коллективные, какъ бы ни были ...ни отрадны, въ смыслѣ доказательства наличности извѣстна... гражданскаго мужества, также не могутъ ни остановить, ни предотвратить избіенія публики казаками и полиціей.

Взыванія къ гуманнымъ чувствамъ полиціймейстеровъ намъ также кажутся лишь безполезной тратой времени.

А потому уличныя волненія, подобныя тѣмъ волненіямъ, которыя происходили весной на Казанской площади, и вызванные этими волненіями „протесты“ — съ одной стороны ...трашны правительству, а съ другой стороны даже полезны ему, ибо, какъ говорилъ генералъ Клейгельсъ, даютъ ему ...зможность правильно судить о мысляхъ и настроеніи тѣхъ, которыхъ оно не имѣетъ достаточно точныхъ свѣдѣній отъ ...ихъ агентовъ; кромѣ того, эти волненія даютъ начальству ...можность избитьемъ устрашить тѣхъ, которые могутъ быть ...мъ устрашены.

...этого слѣдуетъ, что на поставленный нами вопросъ : возможна ли борьба между народомъ и войскомъ, мы ...отвѣтить, что пока эта борьба будетъ вестись такъ, ...лась до сихъ поръ, она не только не возможна, но ...ательна.

...открытая борьба между народомъ и войскомъ не

10/20/8

могла вестись иначе, чѣмъ велась до сихъ поръ, то объ этомъ дѣлѣ не стоило бы и говорить.

Всѣмъ разумнымъ людямъ оставалось бы только одно: безпрекословно исполнять всѣ требованія полиціи и въ дни уличныхъ волненій сидѣть по домамъ.

Но дѣло именно въ томъ, что, *при наличности извѣстныхъ условій*, открытая борьба народа съ войскомъ вполнѣ возможна, — и правительство это отлично знаетъ, и въ настоящее время боится только одного, а именно — чтобы не явились, не настали эти условія.

Со времени весенніхъ волненій, всѣ распоряженія и всѣ дѣйствія правительства, всѣ его уступки „чистой“ публикѣ, объясняются однимъ: его боязнью, какъ бы не явились на лицо эти условія.

Надо понять и твердо помнить, что не отсутствіе вооруженія у толпы дѣлаетъ невозможной ея борьбу съ войскомъ, а дѣлаетъ эту борьбу невозможной *отсутствіе организаціи толпы*.

А потому, до тѣхъ поръ, пока среди народной толпы, вышедшей на улицу, не появятся организованные центры, мелкіе отряды, около которыхъ могъ бы группироваться народъ, до тѣхъ поръ ничего, кромѣ безполезной бойни народа, произойти не можетъ.

II

Такъ писали мы 4 года тому назадъ и опытъ по[illegible]дней что мы были правы; отсутствіе организованныхъ [illegible]ращенной около которыхъ могъ бы группироваться народъ — [illegible] народъ безсильнымъ. Народъ всюду былъ убиваемъ [illegible]

ваемъ, будучи совершенно не въ состояніи нанести хоть самый малый уронъ своимъ врагамъ.

За эти послѣдніе дни въ Петербургѣ произошли событія, ясно доказавшія, что надѣяться на мягкосердечіе правительства нѣтъ никакого основанія. Правительство ясно показало, что оно не только не допуститъ освобожденія рабочихъ массъ, но не допуститъ даже и ропота ихъ. 9-го января въ Петербургѣ тысячи рабочихъ, жены ихъ и дѣти ихъ были разстрѣляны только за то, что намѣревались обратиться къ царю и изложить ему свои нужды.

Дѣло было такъ. Страдая отъ невозможныхъ условій жизни, не будучи больше въ состояніи выносить тѣ порядки, которые заведены правительствомъ и капиталистами, рабочіе задумали бросить работу, устроить стачку.

Началась она на Путиловскомъ заводѣ изъ-за того, что 4 рабочихъ, состоящихъ членами „СПБ. Общества фабр. и заводскихъ рабочихъ“, были уволены. Заводская администрація указала другія причины увольненія, но для всѣхъ было ясно, что причина заключалась именно въ томъ, что уволенные рабочіе были вліятельными членами СПБ. общ. фабр. и зав. рабочихъ, которое за послѣднее время подъ вліяніемъ Предсѣдателя Общества — отца Гапона пріобрѣтало все болѣе и болѣе неблагонамѣренную окраску. Общество это было еще основано при Плеве и снабжено подлѣйшимъ уставомъ. Но, благодаря отцу Гапону, уставъ этотъ совершенно игнорировался, и направленіе Общества становилось все болѣе и бо[лѣе] оппозиціоннымъ. На засѣданіяхъ комитета общества, ку[да] [вхо]дили и рабочіе, и на общихъ собраніяхъ обсуждались [не] только экономическіе, но и политическіе вопросы; при об[сужденіи] нуждъ рабочихъ всегда отмѣчалось ихъ политическое [зна]ченіе, и рѣчи ораторовъ часто носили чисто революціон-

ный характеръ. Душой общества былъ свящ. Гапонъ. Съ каждымъ днемъ популярность Общества и его самаго возрастала все больше и больше.

Не смотря на сильное возбужденіе рабочихъ — членовъ СПБ. Общ. фабр. и зав. раб., — отецъ Гапонъ все старался удержать ихъ отъ революціонныхъ попытокъ — ему хотѣлось раньше увеличить количество членовъ, довести ихъ число до 10000 чел.; когда случился инцидентъ съ 4-мя рабочими Путиловскаго завода, онъ рѣшилъ дѣйствовать, тѣмъ болѣе, что здѣсь можно было бы начать со стачки и на этой почвѣ объединить рабочихъ многихъ фабрикъ и заводовъ. Съ другой стороны, онъ такимъ путемъ разсчитывалъ придать вначалѣ движенію мирный характеръ, чтобы привлечь на сторону рабочихъ по возможности больше симпатіи. Къ революціоннымъ дѣйствіямъ онъ рѣшилъ перейти только послѣ насильственныхъ актовъ со стороны администраціи, чтобы обезпечить этому движенію наивозможно болѣе широкое сочувствіе.

По совѣту священника Гапона, рабочіе намѣревались подать царю прошеніе, въ которомъ излагали свои нужды. Прошеніе должны были подать 9-го января 400 выбранныхъ со всѣхъ фабрикъ и заводовъ депутатовъ.

Депутація эта съ крестомъ, хоругвями и иконой спасителя съ священникомъ Гапономъ во главѣ должна была двинуться къ Зимнему дворцу и тамъ вручить царю прошеніе.

Наканунѣ, 8-го января, отецъ Гапонъ объѣзжалъ всѣ фабрики и заводы и приводилъ рабочихъ къ присягѣ: всѣ клялись бороться за выставленныя требованія до послѣдней капли крови. „А если царь насъ не удовлетворитъ, тогда долой царя“, говорилъ Гапонъ въ своей рѣчи, обращенной къ рабочимъ, и всѣ горячо его поддерживали.

Рабочіе дали клятву: умереть или добиться своего. Ночь съ 8-го на 9-е января назвали священной ночью.

Число забастовавшихъ рабочихъ достигло 250 тысячъ человѣкъ.

Въ субботу царя въ Петербургѣ не было. Онъ былъ въ Царскомъ Селѣ, куда на совѣщаніе были призваны царскіе родичи и министръ внутреннихъ дѣлъ Святополкъ-Мирскій. Въ 2 часа ночи вернулся министръ въ Петербургъ и тотчасъ же вмѣстѣ съ градоначальникомъ Фулономъ занялся подготовкой предстоящей на другой день бойни. По приказанію царя министръ не принялъ пришедшихъ къ нему рабочихъ депутатовъ.

А рабочіе и ихъ депутаты все еще надѣялись на царскую правду — надѣялись еще тогда, когда давно уже отданъ былъ царемъ приказъ объ ихъ избіеніи.

Въ ночь съ субботы на воскресеніе священникъ Гапонъ послалъ царю письмо: „Государь, писалъ онъ ему, не вѣрь министрамъ, они тебя обманываютъ на счетъ истиннаго положенія дѣлъ. Народъ вѣритъ тебѣ: онъ рѣшилъ завтра въ 2 часа дня собраться къ Зимнему дворцу, чтобы изложить тебѣ свои нужды. Если ты не предстанешь передъ народомъ, ты разорвешь ту духовную связь, которая соединяетъ тебя съ нимъ. Его вѣра въ тебя исчезнетъ. Тебя отдѣлитъ отъ него пролитая кровь. Ничего не бойся; предстань завтра передъ народомъ и прими наше смиренное прошеніе. Я, представитель рабочихъ, и мои товарищи обезпечиваемъ неприкосновенность твоей особы“.

Министру внутреннихъ дѣлъ Георгій Гапонъ писалъ такъ:

„Ваше сіятельство,

“Рабочіе и петербургскіе обыватели разныхъ сословій же-

лаютъ и должны видѣть царя 9 января, въ 2 часа дня, на площади Зимняго Дворца, чтобы лично объяснить ему свои нужды и нужды всего народа. Царю нечего опасаться. Я, какъ представитель союза русскихъ рабочихъ, наши сотрудники и товарищи, и даже такъ называемыя революціонныя группы всѣхъ направленій, мы ручаемся за его неприкосновенность. Пусть онъ, какъ настоящій царь, съ открытымъ сердцемъ, выйдетъ къ своему народу! Пусть приметъ изъ нашихъ рукъ ходатайство! Все это нужно для его же блага, для блага всѣхъ обывателей Петербурга и родины. Иначе можетъ порваться нравственная связь, соединяющая до сихъ поръ русскаго царя съ русскимъ народомъ.

„Вашъ великій нравственный долгъ и передъ царемъ, и передъ всѣмъ русскимъ народомъ — немедленно представить царю и эти строки, и предлагаемое наше ходатайство. Скажите царя, что я, рабочіе и многія тысячи людей изъ народа рѣшили мирно и съ полнымъ довѣріемъ, но съ непоколебимой твердостью, явиться ко дворцу. Пусть и онъ, на дѣлѣ, а не въ манифестахъ, докажетъ свое довѣріе къ народу".

Вотъ то ходатайство, которое рабочіе хотѣли подать царю.

„Мы идемъ къ тебѣ, государь, мы всѣ рабочіе и жители Петербурга; съ нашими женами, дѣтьми, отцами и матерями идемъ къ тебѣ просить правды и защиты. Мы бѣдны, забиты, обремены непосильнымъ трудомъ. Насъ оскорбляютъ, обращаются съ нами не какъ съ людьми, но какъ съ рабами, которые должны молча терпѣть самую жестокую участь. Много ужъ мы терпѣли, и со дня на день все глубже становится наше паденіе. У насъ нѣтъ правъ, намъ не даютъ образованія, насъ душатъ насиліемъ и несправедливостью. Мы пропадаемъ, мы обезсилены.

„Государь, мы дошли до предѣла человѣческаго страданія,

мы дошли до такого ужаснаго состоянія, когда умереть лучше, чѣмъ жить среди невыносимыхъ мученій.

„Мы прекратили работу, объявивъ хозяевамъ, что мы не вернемся на фабрику, пока не исполнятъ наши требованія. А мы просили не многаго, мы просили только средствъ къ жизни, безъ которыхъ жизнь есть бремя, а работа одна сплошная пытка.

„Первая наша просьба была, чтобы хозяева обсудили вмѣстѣ съ нами наши нужды. Они отказались. Намъ отказали въ правѣ представить наши требованія подъ тѣмъ предлогомъ, что законъ не даетъ намъ этого права.

„Мы требовали восьмичасового рабочаго дня, установки заработной платы по взаимному соглашенію, учрежденія суда для разбора недоразумѣній между нами и мастерами, увеличенія жалованья чернорабочихъ до рубля въ день, уничтоженія сверхурочной работы, просили, чтобы мастеръ давалъ намъ объясненія въ неоскорбительныхъ для насъ выраженіяхъ, и чтобы мастерскія были устроены такъ, чтобы мы не болѣли изъ-за снѣга, дождя и сквозняка. Во всемъ этомъ намъ было отказано, и даже самая наша просьба разсматривалась, какъ преступленіе, желаніе улучшить свое положеніе, какъ дерзость противъ хозяевъ.

„Государь, насъ здѣсь больше 300.000, но мы сохранили только обликъ человѣческій, а права человѣческаго у насъ нѣтъ ни одного. Даже права говорить, думать и сообща толковать о своихъ нуждахъ, о томъ, какъ помочь имъ, у насъ нѣтъ.

„Нашихъ товарищей, осмѣлившихся возвысить голосъ на защиту народа и рабочихъ, бросаютъ въ тюрьмы, ссылаютъ. Доброта считается преступленіемъ. Состраданіе къ униженнымъ и несчастнымъ наказывается, какъ злодѣяніе.

„Бюрократія привела народъ къ краю пропасти, къ разоренью, къ разгрому постыдной войны. Мы не имѣемъ голоса въ тяжелыхъ налогахъ, обременяющихъ насъ. Мы не знаемъ даже, для кого и зачѣмъ вырываютъ эти деньги. Государь, развѣ не по божескимъ законамъ ты управляешь нами? Жизнь наша невозможна. Лучше намъ всѣмъ погибнуть, всѣмъ рабочимъ въ Россіи, предоставивъ капиталистамъ и чиновникамъ, жить и наслаждаться.

„Мы собрались передъ твоимъ дворцомъ и просимъ: спаси насъ, не отказывай въ помощи своему народу, помоги ему разорвать путы безправія, нищеты и невѣжества, освободи его отъ невыносимаго гнета чиновниковъ. Разрушь стѣну, отдѣляющую тебя отъ народа, чтобы онъ могъ, вмѣстѣ съ тобой управлять государствомъ, созданнымъ для счастья народнаго, того счастья, которое вырываютъ отъ насъ, оставляя на нашу долю только муки и униженіе.

„Прими благосклонно наши просьбы, внушенныя желаніемъ твоего и нашего блага, сознаніемъ необходимости выйти изъ этого невыносимаго положенія. Россія слишкомъ велика, ея потребности слишкомъ разнообразны и сложны, чтобы чиновники одни могли управлять ею. Необходимо народное представительство, потому что только самъ народъ знаетъ свои истинныя потребности.

„Не отталкивай его помощи, прими его сотрудничество и прикажи тотчасъ же созвать представителей всѣхъ сословій, включая и рабочихъ. Пусть всѣ свободно пользуются равнымъ избирательнымъ правомъ. Прикажи, чтобы выборы въ учредительное собраніе производились всеобщей подачей голосовъ. Это наше главное требованіе, въ немъ заключаются и всѣ остальныя. Это первое лекарство отъ нашихъ ранъ; иначе мы должны скоро погибнуть.

„Но, конечно, одного этого мало, чтобы залечить всѣ наши раны. И поэтому мы, открыто и чистосердечно, какъ отцу, отъ лица всего рабочаго народа, скажемъ тебѣ, что еще надо сдѣлать. Надо дать:

1. Свободу и неприкосновенность личности, свободу слова, печати, собраній, свободу совѣсти.

2. Всеобщее безплатное и обязательное образованіе.

3. Отвѣтственность министровъ передъ народомъ и гарантіи противъ произвола администраціи.

4. Равенство всѣхъ передъ закономъ.

5. Немедленную амнистію всѣхъ, кто пострадалъ за свои убѣжденія.

6. Уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ и замѣну ихъ прямымъ прогрессивымъ подоходнымъ налогомъ.

7. Отмѣну выкупныхъ платежей. Дешевый кредитъ и постепенную передачу земель народу.

8. Законодательную охрану рабочаго класса.

9. Свободу ассоціацій для кооперативныхъ и производительныхъ цѣлей.

10. Восьми-часовой рабочій день и ограниченіе сверхурочной работы.

11. Свободу въ борьбѣ между трудомъ и капиталомъ.

12. Участіе представителей рабочихъ въ выработкѣ формъ государственнаго страхованія рабочихъ.

13. Установленіе нормальной заработанной платы.

„Вотъ, государь, наши главныя нужды, и только, когда онѣ будутъ удовлетворены, Россія можетъ освободиться отъ поработившаго ее зла и процвѣтать. Только тогда рабочіе могутъ сплотиться и защищать свои интересы противъ постыдной эксплуатаціи.

„Если же ты не отдашь этого повелѣнія, если ты не отвѣтишь на нашу просьбу, тогда мы умремъ на этой площади, передъ твоимъ дворцомъ. Намъ больше некуда идти и передъ нами только двѣ дороги: одна ведетъ къ свободѣ и къ счастію, другая въ могилу. Укажи, царь, какимъ путемъ намъ идти, и мы пойдемъ, хотя бы онъ привелъ насъ къ могилѣ.

„Пусть наша жертва спасетъ измученную Россію. Мы, не колеблясь, принесемъ эту добровольную жертву".

Утромъ 9-го января Зимній дворецъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ войсками.

Войска получили отъ царя строгій приказъ „проучить мятежниковъ".

Первыя стычки произошли у Нарвской заставы, на Васильевскомъ Островѣ и у Троицкаго моста.

У Нарвской заставы рабочіе шли со священникомъ Александромъ Васильевымъ во главѣ, державшимъ въ рукахъ Икону Спасителя.

Полиція остановила рабочихъ, грозя стрѣлять. „Стрѣляйте", отвѣчали рабочіе. — Войска открыли огонь.

Когда рабочіе съ Васильевскаго Острова подошли къ Николаевскому мосту — уланы и казаки аттаковали ихъ и многихъ порубили.

У Троицкаго моста произошло то же самое. Тутъ во главѣ путиловскихъ рабочихъ находился священникъ Георгій Гапонъ. Начальство старалось не пропустить рабочихъ въ городъ. Но всетаки къ 2 часамъ дня площадь передъ Зимнимъ дворцомъ, Невскій и прилегающія улицы были запружены народомъ. Войска получаютъ приказаніе стрѣлять. Начинается бойня.

Конница (тамъ стояли полки Конно-Гвардейскій и Кавалергардскій) атакуетъ безоружный народъ и рубитъ его.

Преображенскій полкъ начинаетъ стрѣлять залпами. Мужчины, женщины и дѣти сотнями валятся на снѣгъ.

Приблизительно въ 1 ч. дня разнеслась вѣсть объ убійствѣ Гапона, и настроеніе сразу измѣнилось. Толпой овладѣла злоба и мрачная рѣшимость во что бы то ни стало добиться своего. Злобу свою толпа прежде всего сорвала на приставѣ и его помощникѣ, проходившихъ по улицѣ. Толпа набросилась на нихъ, съ гиканьемъ стала ихъ колотить и онина силу спаслись, скрывшись въ одномъ изъ дворовъ. Затѣмъ показались санки съ двумя уланами; толпа подняла свистъ; но бравые уланы не сробѣли, они вызывающе посматривали на толпу, выхватили сабли и стали ими размахивать. Тутъ толпа бросилась на храбрецовъ выхватила у нихъ сабли, и удальцы едва спаслись, прошмыгнувъ въ ближайшія ворота.

Озлобленіе толпы все росло и росло. Никто не думалъ уходить, никто какъ будто не чувствовалъ страха, лица у всѣхъ были возбужденныя. Какъ будто залпы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, никого не удивляли, какъ будто всѣ считали эти жертвы неизбѣжными. Многіе, впрочемъ, такъ и говорили. Какъ только войско удалялось, толпа снова занимала улицу и вымещала свою злобу на каждомъ военномъ и полицейскомъ чинѣ. Досталось такъ одному генералу, у котораго сорвали шапку и, кажется, погоны, двумъ полковникамъ сорвали погоны. Какъ только показывалось войско, поднимались крики: „убійцы! убійцы! подлецы!“ Сыпались слѣдующія остроты: „Война на Востокѣ, война и здѣсь“. „Вы воображаете, что вы въ Японіи, здѣсь вы храбры, не то что на Дальнемъ Востокѣ, здѣсь вы держитесь молодцами“. „Что заняли позицію?“ и т. п. и т. п. Рабочіе обращались къ солдатамъ также и съ увѣщаніями: „Не стыдно вамъ, братцы, стрѣлять въ своихъ!“ Нѣкоторые солдаты на

это отвѣчали: „Сами не рады, да приказываютъ“. Все чаще и чаще раздавались сожалѣнія, что явились съ голыми руками, безъ оружія. „Кабы сѣсть на воздушный шаръ и оттуда бросить бомбу на всю эту сволочь“, воскликнулъ рабочій. „Если бы каждому изъ насъ по бомбѣ!“ слышится въ другомъ мѣстѣ. Къ раненымъ отношеніе было благоговѣйное; всѣ снимали передъ ними шапки и говорили: „это наши герои“.

Отброшенные отъ зимняго дворца, рабочіе сосредоточиваются на Невскомъ и пытаются воздвигнуть препятствія для свободнаго движенія конницы.

На Васильевскомъ Островѣ и предмѣстьяхъ города рабочіе воздвигаютъ по улицамъ загражденія и протягиваютъ поперекъ улицъ проволоку.

Электрическое освѣщеніе приведено въ негодность; телеграфныя проволоки порваны.

Наступилъ вечеръ. День кончился, залитый кровью русскихъ людей, единственная вина которыхъ была лишь въ томъ, что они вѣрили въ царя.

По нынѣшнимъ временамъ, нѣтъ болѣе тяжкой вины передъ родиной своей и народомъ своимъ — какъ такая вѣра.

10-го января, въ понедѣльникъ, рабочіе снова пытаются собраться въ центрѣ города. Во многихъ мѣстахъ, рабочіе смѣло противодѣйствуютъ войскамъ.

Петербургъ объявленъ на военномъ положеніи. Царь скрывается по разнымъ загороднымъ дворцамъ. Усмирять народъ поручено вел. кн. Владиміру, который похваляется, что ни передъ чѣмъ не остановится. Нагло выражая свое презрѣніе къ народу, онъ говоритъ подвластнымъ чиновникамъ: „Лучшимъ средствомъ противъ народныхъ бѣдствій, я нахожу повѣшеніе нѣсколькихъ сотенъ недовольныхъ на глазахъ ихъ товарищей“. Народу не слѣдуетъ забывать этихъ словъ!

Священникъ Гапонъ, убѣдившись, что надѣяться на царя нечего, обратился къ рабочимъ со слѣдующимъ письмомъ:

„Дорогіе братья и товарищи! Царя больше нѣтъ! Между имъ и народомъ течетъ невинная кровь. Да здравствуетъ борьба за свободу! Благословляю васъ. Завтра буду съ вами; сегодня слишкомъ занятъ. Отецъ Георгій“.

Событія послѣднихъ дней убѣдили священника Гапона, что въ настоящее время цѣлесообразенъ и разумѣнъ одинъ революціонный путь. Онъ выпустилъ двѣ прокламаціи, въ которыхъ называетъ царя и министровъ измѣнниками и требуетъ ихъ казни. Освобождаетъ солдатъ отъ присяги и убѣждаетъ ихъ помочь народу.

Вотъ эти прокламаціи:

„Къ войску“. „Солдатамъ и офицерамъ, которые въ настоящее время убиваютъ своихъ невинныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, всѣмъ угнетателямъ народа кидаю свое пастырское проклятіе. Напротивъ того призываю Божье благословеніе на тѣхъ солдатъ, которые помогаютъ народу въ его борьбѣ за свободу; что же касается до присяги, которую они дали вѣроломному царю, который проливаетъ народную кровь, то освобождаю ихъ отъ нее.

Георгій Гапонъ, священникъ“.

„Къ рабочимъ“. „Братья рабочіе, пролита кровь неповиннаго народа и сердца наши переполнены горечью и ненавистью къ звѣрообразному царю и тѣмъ шакаламъ, которые у него министрами. Повѣрьте мнѣ близокъ день, очень близокъ, въ который поднимется, какъ одинъ человѣкъ, великое и грозное рабочее воинство и освободитъ себя и всю Россію. Не оплакивайте павшихъ героевъ. Утѣшьтесь. Насъ побили, но не смирили. Уничтожайте всѣ портреты нашего кровожад-

наго императора. Будь проклятъ онъ и весь его августѣйшій змѣиный домъ. Георгій Гапонъ, священникъ".

Вотъ что въ общихъ чертахъ можно сказать о событіяхъ въ Петербургѣ.

Эти событія сослужили важную службу дѣлу освобожденія русскаго народа.

Порывъ народа остановленъ. Много всяческихъ трудовъ придется еще понести народу, пока онъ добьется свободы. Не мало также жертвъ придется ему принести, пока не пробьетъ для него часъ освобожденія.

Но Петербурбургскія событія важны тѣмъ, что сняли пелену съ глазъ народа. Они ему воочію показали все звѣрство правительства и всю подлость послѣдняго русскаго царя. Они показали и доказали русскому народу, что надѣяться на царя нечего. До 9-го января можно еще было говорить о какой то духовной связи царя съ темными, слѣпыми и неразумными массами народа. Послѣ 9-го января говорить о такой связи невозможно.

Отнынѣ потоки крови невинно убитыхъ около царскаго дворца навѣки раздѣлили царя съ народомъ. Обрызганное невинной кровью самодержавіе должно стать мерзостью въ глазахъ всѣхъ людей.

III

Говоря 4 года тому назадъ объ уличныхъ безпорядкахъ мы писали слѣдующее:

Въ современной народной толпѣ есть элементъ очень цѣнный съ точки зрѣнія силы, могущей быть противопоставленной силѣ войска.

Элементъ этотъ цѣненъ какъ потому, что способенъ быть быстро организованъ, такъ и потому, что состоитъ изъ лю-

дей, имѣющихъ вѣрное, основанное на опытѣ, знаніе о войскѣ, о его сильныхъ и слабыхъ сторонахъ.

Мы говоримъ о запасныхъ воинскихъ чинахъ.

Среди рабочихъ имѣется не мало запасныхъ воинскихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія.

Есть пѣхотинцы, есть кавалеристы, есть и артиллеристы.

Если есть среди рабочихъ люди, которые предвидятъ возможность столкновенія съ войскомъ, и не боятся такого столкновенія, то эти люди должны заблаговременно принять мѣры къ тому, чтобы, насколько это возможно, уравнять свои силы съ силами противника.

Рабочимъ необходимо, еще въ мирное, такъ сказать, время, съорганизоваться.

Сгруппировавшись по родамъ оружія, раздѣлившись затѣмъ на десятки, съ выбраннымъ начальникомъ во главѣ, рабочіе изъ запасныхъ воинскихъ чиновъ во время волненій будутъ центрами, около которыхъ сами собой соединятся разрозненные элементы толпы.

Организованные въ мирное время „десятки“, — во время волненій явятся кадрами народнаго войска.

Люди „десятка“ должны хорошо знать другъ друга, должны быть въ состояніи довѣрять другъ другу и вполнѣ полагаться другъ на друга.

Надо понять, что сила „десятка“ всецѣло зависитъ отъ его качества.

Во время боя люди „десятка“ должны во что бы то ни стало держаться вмѣстѣ.

Такой „десятокъ“ смѣлыхъ и рѣшительныхъ людей не встрѣтитъ серьезныхъ препятствій въ добычѣ себѣ нужнаго огнестрѣльнаго оружія.

Оружіе это можно легко добыть и у городовыхъ, которые

всѣ вооружены револьверами, и въ полицейскихъ участкахъ. Наконецъ, въ городахъ не мало оружейныхъ магазиновъ. Есть и арсеналы.

Въ этомъ дѣлѣ добычи оружія надо понять, что то, что для отдѣльнаго человѣка составляетъ задачу нелегкую, — то для десятка запасныхъ воинскихъ чиновъ, дѣйствующихъ сообща, есть дѣло чрезвычайно легкое и простое.

И вотъ, значитъ, въ самомъ началѣ волненій, въ то время, когда неорганизованная толпа — публика — отвлекаетъ къ себѣ вниманіе начальства, — организованные десятки добываютъ себѣ оружіе.

Добываютъ его себѣ тихо, смирно, безъ шума и лишнихъ словъ.

Добывъ себѣ оружіе, „десятокъ“ тотчасъ же нападаетъ на противника.

Положеніе обороняющагося для народнаго войска очень вредно и лишаетъ его всякаго шанса на успѣхъ.

Ибо при несоотвѣтствіи силъ борящихся, слабѣйшая сторона — народъ — можетъ возстановить равновѣсіи только уничтоженіемъ важнѣйшихъ частей правительственной машины.

Бросаніемъ же камней въ солдатъ и разбитіемъ нѣсколькихъ солдатскихъ головъ помочь своему дѣлу нельзя, ибо не въ солдатскихъ головахъ сила.

IV

При всякой борьбѣ необходимо не только самому быть рѣшительнымъ и смѣлымъ, но еще слѣдуетъ хорошо изучить своего противника, хорошо знать его сильныя и слабыя стороны.

Необходимо также хорошо освоиться съ мѣстностью, гдѣ предполагается борьба.

Поэтому надо заранѣе изучить планъ города, въ которомъ предполагается противостать начальству.

Надо знать, гдѣ расположены казармы, дабы сообразить, съ какой стороны и по какимъ улицамъ прибудутъ войска.

Съ выходомъ войскъ изъ казармъ, въ казармахъ всегда остается извѣстное количество оружія.

Это надо помнить.

Надо знать, гдѣ расположены полицейскія управленія и участки, потому что нападенія на нихъ очень полезны.

Надо знать, гдѣ находятся квартиры высшихъ начальниковъ, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, дабы возможно было воспрепятствовать имъ явиться для руководства войскомъ.

Надо знать, гдѣ расположена центральная телефонная ставція, для того, чтобы въ самомъ же началѣ волненія прекратить всякое телефонное сообщеніе въ городѣ.

Всякому не трудно понять первостепенную важность этого.

Кромѣ того надо помнить, что по тюрьмамъ сидитъ много людей, освобожденіе которыхъ полезно во всѣхъ отношеніяхъ.

V

При борьбѣ войска съ народомъ главную роль въ руководствѣ войскомъ играетъ гражданское и полицейское начальство во первыхъ, и высшее военное начальство во вторыхъ.

Поэтому всякому будетъ понятно, что гражданское, полицейское и военное начальство должно быть какъ можно скорѣе изъято изъ обращенія.

Солдатамъ же слѣдуетъ заранѣе внушить, что не противъ нихъ бьется народъ. Во время волненій, въ самомъ началѣ, это должно быть доказано имъ на дѣлѣ.

Десятки должны понимать и помнить, что они не могутъ бороться съ тысячнымъ войскомъ, но легко могутъ повредить главныя части правительственнаго механизма, а потому и должны въ самомъ началѣ волненій напасть на эти части и уничтожить ихъ.

Если въ самомъ началѣ волненій телефонное сообщеніе будетъ прервано, телеграфныя проволоки оборваны, высшее начальство взято изъ обращенія, полицейскія управленія и участки подожжены, то все это вмѣстѣ взятое можетъ весьма благотворно повліять на все дѣло и предотвратить лишнее кровопролитіе.

Хотя въ такомъ дѣлѣ, какъ открытая уличная борьба между народомъ и войскомъ всего не предусмотришь, а потому невозможно дать точныхъ указаній насчетъ того, что именно слѣдуетъ дѣлать, — все же намъ кажется не лишнимъ обратить вниманіе на ту пользу, которую можетъ извлечь народъ изъ протянутой поперекъ улицы проволоки.

Такая проволока, протянутая на аршинъ отъ земли можетъ остановить движеніе конницы и артиллеріи, породить суматоху и дать возможность запаснымъ воинскимъ чинамъ, находящимся въ толпѣ, добыть себѣ оружіе и повредить пушки.

Пѣхоту слѣдуетъ окружать со всѣхъ сторонъ, стѣснять, разобщать солдатъ другъ отъ друга и отъ ихъ офицеровъ. Вступать съ солдатами въ рукопашную и отымать у нихъ оружіе.

Вообще надо помнить, что народъ долженъ нападать, ибо только черезъ нападеніе можно хоть сколько нибудь уравнять свои силы съ силами противника.

Говоря объ отдѣльныхъ „десяткахъ“, мы ничего не сказали о соединенныхъ вмѣстѣ десяткахъ — не потому, что

не признаемъ пользы такого соединенія, но думаемъ, что такое соединеніе десятковъ явится само собой во время дѣла. Тогда же найдется и руководитель соединенныхъ десятковъ, который тутъ же на глазахъ у всѣхъ, на дѣлѣ докажетъ свое право на такое руководство.

Всякіе же преждевременные разговоры объ этомъ соединеніи десятковъ и руководствѣ ими намъ кажутся вредными, ибо такими разговорами думаютъ рѣшить то, что можетъ быть рѣшено только дѣломъ.

VI

Все сказанное можетъ быть сведено къ двумъ положеніямъ:

1) Борьба народа съ войскомъ станетъ возможной лишь тогда, когда среди народа явятся организованные изъ запасныхъ воинскихъ чиновъ мелкіе отряды и

2) Мелкіе отряды эти, въ самомъ началѣ волненій, должны напасть на главнѣйшія части правительственнаго механизма и безъ малѣйшаго колебанія твердой и рѣшительной рукой испортить ихъ.

И событія показали, что имѣйся на лице мелкіе отряды, съумѣй эти отряды вооружиться и нападя они на главныхъ начальниковъ и руководителей правительственной обороны — народное дѣло много бы отъ этого выиграло.

Нападеніе на оружейные магазины, устройство уличныхъ загражденій и разрушеніе телефоннаго и телеграфнаго сообщенія — показываетъ, что рабочіе вступаютъ на вѣрный, на единственный для нихъ путь.

Такъ какъ мы думаемъ что событія въ Петербургѣ суть лишь начало революціи, — первые, сравнительно легкіе, шаги по пути къ народному освобожденію, то мы думаемъ, не

лишнимъ будетъ добавить къ сказанному 4 года тому назадъ, еще слѣдующее.

Намъ думается, что съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ возможность уступокъ со стороны правительства дѣлается все болѣе и болѣе невѣроятной. И это потому, что съ каждымъ днемъ и часомъ для всѣхъ — какъ для царя и его министровъ, такъ и для русскаго народа, становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что никакого примиренія или согласія между наремъ и народомъ быть не можетъ.

Или тотъ или другой.

Если русскій народъ хочетъ жить и жить честно, то терпѣть ему въ Россіи Николая и весь домъ его нельзя.

Царь и его домъ — это позоръ Россіи.

И послѣдышъ и министры его чувствуютъ это, а потому не остановятся ни передъ чѣмъ въ своей борьбѣ съ народомъ.

Борьба эта затянется и благо тѣмъ, которые поймутъ ея серьезность и необходимость приготовиться къ ней.

Чтобы приготовиться къ чему нибудь, надо ясно представить себѣ то, къ чему мы готовимся. Въ данномъ случаѣ надо ясно и опредѣленно представить себѣ ходъ борьбы народа съ правительствомъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени вспыхнутъ волненія по прочимъ городамъ Россіи. Но вездѣ въ городахъ правительство держитъ много войска. А пока войско въ кучѣ, на глазахъ у начальства — неповиновеніе его начальству почти что невозможно. Переходъ же его на сторону народа и подавно. По крайней мѣрѣ разсчитывать на это нельзя.

Что же дѣлать?

Надо отвлечь войска въ села и деревни. Надо, чтобы возстали крестьяне. Надо, чтобы крестьяне захватомъ земель у частныхъ собственниковъ и изгнаніемъ помѣщиковъ и сельской

полиціи *вынудили* правительство послать противъ нихъ солдатъ. Черезъ это будутъ развязаны руки рабочихъ по городамъ.

Когда войска будутъ разбросаны по деревнямъ, то народу легче будетъ съ нимъ такъ или иначе поладить или сладить, чѣмъ тогда, когда войско еще сосредоточено въ городахъ.

И кто знаетъ, не найдутся ли такіе войска, которые вернутся уже въ города вмѣстѣ съ народомъ и примутъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ освобожденія родины.

Событія въ Петербургѣ намъ представляются первой ласточкой народнаго возстанія. На крестьянскія волненія мы смотримъ, какъ на необходимое условіе успѣшнаго возстанія. Мы думаемъ, что до такого возстанія крестьянъ пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Въ продолженіи этихъ мѣсяцевъ не будутъ прекращаться стачки и волненія рабочихъ по городамъ.

Чтобы эти волненія не пропали даромъ для народнаго дѣла, необходимо, чтобы тѣ мелкіе отряды, о которыхъ мы говорили, раньше заявили себя прямымъ нападеніемъ на управителей и правительственныя учрежденія.

Только при этомъ условіи не пропадетъ у рабочихъ вѣра въ свои силы и они будутъ готовы, ко времени крестьянскаго возстанія, сдѣлать новое, самое сильное и рѣшительное усиліе, дабы сбросить съ себя цѣпи правительства и богачей. Рабочимъ надо помнить одно: бить надо въ главныя части и главныя скрѣпы правительственнаго механизма. Надо всегда стараться быть стороной не обороняющейся, а нападающей. Это важно уже потому, что черезъ это рабочіе получаютъ возможность выбирать пункты нападенія и нападать тогда — когда имъ это выгодно. Послѣ Петербургскихъ событій всякому должно быть ясно, что правительство на уступки не пойдетъ, а потому рабочіе поступятъ разумно, если будутъ

относиться къ правительству, какъ къ врагу, и поступать съ нимъ соотвѣтственно теперь же.

VII

Между читателями нашими, вѣроятно, найдется не мало такихъ, которымъ не понравится наша мысль о необходимости порчи *„главныхъ частей“* правительственнаго механизма. Такіе люди, обыкновенно, не видятъ ничего особенно ужаснаго ни въ избіеніи беззащитной публики, ни даже въ проломѣ камнями солдатскихъ или казачьихъ головъ; но какъ только рѣчь заходитъ о порчѣ „главныхъ частей механизма“, такъ ихъ тотчасъ же охватываетъ священный ужасъ.

Они еще могутъ допустить возможность разможенія головы городовому или казаку, но когда рѣчь идетъ объ изъятіи изъ обращенія губернаторовъ, полиціймейстеровъ и генераловъ, — они начинаютъ вопить о необходимости человѣколюбія и о „звѣрствахъ“ толпы.

Намъ кажется, что истинной причиной такой „жалостливости“, обращенной исключительно въ сторону „высшаго начальства“, является не столько истинное человѣколюбіе, сколько большое неразумѣніе и маленькая органическая трусость.

Какъ неразумно, при борьбѣ съ человѣкомъ, вооруженнымъ палкой, всѣ свои усилія обращать на порчу палки, такъ точно неразумно вредить однимъ казакамъ, городовымъ и солдатамъ, не трогая ту силу, которая приводитъ въ движеніе казаковъ, городовыхъ и солдатъ.

Съ точки зрѣнія успѣха народнаго дѣла такое поведеніе является *преступленіемъ противъ народнаго дѣла.*

Съ нравственной точки зрѣнія такое поведеніе—безнравственно, ибо предполагаетъ наличность извѣстнаго пренебре-

...ельнаго отношенія къ жизни простыхъ солдатъ и слишкомъ большую заботливость о жизняхъ генеральскихъ.

Какъ бы то ни было, но мы искренно совѣтуемъ такимъ жалостливымъ „до начальства“ господамъ во время волненій сидѣть дома и отнюдь на улицу не выходить, — ибо гдѣ же начальству во время уличныхъ безпорядковъ разбирать, для кого оно еще кумиръ, — хотя бы и поверженный — а для кого перестало быть какимъ бы то ни было кумиромъ.

А потому, весьма вѣроятно, что такимъ господамъ сильно влетитъ, и влетитъ единственно изъ за ихъ неспособности сдержать свое любопытство, свое желаніе на людей посмотрѣть и себя показать. Но стоитъ ли изъ этого подвергать себя возможности быть исковерканными казаками?

Положимъ, съ точки зрѣнія народнаго дѣла это не особенно важно, но важно то, что своимъ присутствіемъ на улицѣ они могутъ ввести народъ въ заблужденіе насчетъ численности враговъ правительства: народъ можетъ подумать, что настало время помѣряться съ правительствомъ въ открытую и начать дѣло, — тогда какъ на самомъ дѣлѣ не наступилъ еще благопріятный для того моментъ.

Черезъ это можетъ произойти совершенно напрасное кровопролитіе, въ которомъ будутъ всецѣло виноваты эти сердобольные, но, къ несчастью, не въ мѣру любопытные господа.

Такъ вотъ: еще разъ покорнѣйше просимъ подобныхъ господъ во время волненій сидѣть дома и не выходить на улицу, дабы присутствіемъ своимъ не распространять въ народѣ заразу нерѣшительности и раздвоенія въ мысляхъ и чувствахъ.

Д. Хилковъ.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.